

Денис Фонвизин

**Чистосердечное признание в
делах моих и
помышлениях**

Денис Иванович Фонвизин

Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях

«...Остаётся мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе...»

Содержание

Денис Иванович Фонвизин Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях . . .	0004
#2	0012

Денис Иванович Фонвизин

Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях

<...> Остаётся мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чём оно состояло: учитель наш пришёл в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивлённый сею странностию, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, – говорил он, – но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, – продолжал он, ударяя по столу ру-

кою, – извольте слушать всё, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете». Вот какой был экзамен наш! О вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою преясы [1], послушайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одного немца, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего, латинского, то пришёл на экзамен с полным партищем пуговиц, и мы, следственно, экзаменованы были без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течёт Волга? В Чёрное море, – отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; в Белое, – отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; не знаю, – сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль

присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы её из класса практического нравоучения, но отнюдь не из географического. <...>

Склонность моя к писанию являлась ещё в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на русский язык, достиг до юношеского возраста. Глас совести велит мне сказать, что сего дня от юности моя мнози борят мя страсти.

А какие они были, то возвестит книга вторая...

В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Голберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды <...>

В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой – нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример

злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо.

В сие время тогдашний наш директор [2] вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета [3] плодов сего училища. Я не знаю, каким образом попал я и брат мой в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять нас, малолетних, отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следовательно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностью сказать, что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Через несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, кото-

рого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвёл к человеку, которого вид обратил на себя почтительное моё внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», – отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлён был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка – всё сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старше четырнадцати лет, ничего ещё не видывал, всё казалось мне ново и прелестно <...>

Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду. Играли русскую комедию, как теперь помню, «Генрих и Пернилла» [4] . Тут я видел Шуйского, который шутками своими

так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал из всей силы. Действия, произведённого во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актёров – великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы моё благополучие. Я с ума было сошёл от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил. И действительно, чрез некоторое время познакомился я тут с покойным Фёдором Григорьевичем Волковым, мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным. Тут познакомился я с славным нашим актёром Иваном Афанасьевичем Дмитревским, человеком честным, умным, знающим и с которым дружба моя до сих пор продолжается. Стоя в партерах, свёл я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменился и ко мне похолодел: он

счёл меня невеждою и худо воспитанным, начал было надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твёрдо предпринял, и начал учиться оному, а между тем продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена, бывшего тогда ректором. Сей учёный муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны и мы с братом скоро потом произведены были в студенты. В самое же сие время не оставлял я упражняться в переводах на российский язык с немецкого: перевёл «Сифа, царя египетского» [5], но не весьма удачно. Знание моё в латинском языке пособило мне весьма к обучению французского. Через два года я мог разуметь Волтера и начал переводить стихами его «Альзиру». Сей перевод есть не что иное,

как грех юности моея, но со всем тем встречаются и в нём хорошие стихи.

В 1762 году был уже я сержант гвардии; но как желание моё было гораздо более учиться, нежели ходить в караулы на съезжую, то уклонялся я сколько мог от действительной службы. По счастью моему, двор прибыл в Москву, и тогдашний вице-канцлер [6] взял меня в иностранную коллегия переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен. А как переводил я хорошо, то покойный тогдашний канцлер [7] важнейшие бумаги отдавал именно для перевода мне <...>

Примечания

1

награды (нем .)

2

И.И.Мелиссино

3

И.И.Шувалову

4

комедию Л.Голберга в русском переводе

5

роман французского писателя Ж.Террасона
«Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царицы египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая»

6

Александр Михайлович Голицын

7

Михаил Илларионович Воронцов